

Я. В. Васильков

**УПОТРЕБЛЕНИЕ БЕТЕЛЯ
В ИНДИИ ПО ДАННЫМ ДРЕВНИХ
ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ**

Практике жевания бетеля и символике этого обычая в Юго-Восточной и отчасти Южной Азии по материалам современной этнографии был посвящен ряд работ отечественных ученых [Ревуненкова 1988, 2008; Соболева 2004; Станюкович 2005а, 2005б, 2010а, 2010б, 2011, 2013; Stanyukovich 2012, 2014], поэтому главная задача настоящего очерка — дополнить их данные суммарным описанием основных контекстов, в которых упоминают о бетелевой жвачке индийские литературные памятники древнего периода. Попутно приводятся некоторые данные об истории этого культурного феномена в Индии, добытые наукой в самые последние годы.

Время первого появления бетелевой жвачки на южноазиатском субконтиненте с достаточной достоверностью устанавливается по лингвистическим данным. Термины для главных растительных компонентов жвачки — ореха арека (*Areca catechu* L.) и листьев бетеля (*Piper betle* L.), — **проникшие в европейские языки, являются дравидийскими** по происхождению и уверенно прослеживаются (в формах *aṭ-ay-kkāy и *vetṭ-ilai) до уровня протоюжнодравидийской языко-

вой общности¹. Эта общность, от которой ведут свое происхождение тамильский, телугу, малаялам, каннада и другие языки Южной Индии, распалась примерно в середине II тыс. до н.э. Скорее всего, термины для орехов арека и бетелевых листьев появились в Индии в период, непосредственно предшествующий распаду южнодравидийской общности и совпадающий с последней фазой южноиндийской неолитической культуры. Как полагает автор работы, наиболее полно отражающей современные взгляды на происхождение и историю практики жевания бетеля, оба растения (арековая пальма и бетелевая лоза) были завезены на юг Индии из Индонезии вместе с двумя другими культурными растениями — кокосовой пальмой (*Cocos nificera* L.) и сандаловым деревом (*Santalum album* L.) именно в середине II тыс. до н.э.² [Zumbroich 2008: 113–115].

Заметим, что еще один термин, обозначающий арековую пальму и ее орех в санскрите (*pūga*) и других индоарийских языках (пракр. *pū[ga]* и др.), тоже является дравидийским заимствованием (ср. телугу *poḱa/pōḱa* ‘*Arecata catechu*’, драв. **pāṅkk* [Burrow 1947: 386; Turner 1962–1966, IV: 471; Mayrhofer 1986–2001, III: 332]).

Таким образом, местом первого появления бетелевой жвачки и центром последующего ее распространения на субконтиненте можно с достаточными основаниями считать Южную Индию. Но этот источник был не единственным: в более поздний период практика жевания бетеля и соответствующая терминология проникали на север, по-видимому, через Восточную Индию. Главный термин для бетелевого листа и заворачиваемой в него жвачки в санскрите *tāmbūla* давно признан австроазиатским заимствованием [Przyłuski 1924; Penzer 1927: 239], причем сравнительный материал указывает в основном на мон-кхмерские языки (см., например: [Барроу 1976: 353]).

¹ При этом на предшествующем уровне протодравидийской общности, распадение которой началось в IV тыс. до н.э. [Гуров 1990: 139], данные формы не восстанавливаются [Zumbroich 2008: 114].

² Появление терминов для кокосовой пальмы и сандалового дерева датируется, по лингвистическим данным, эпохой протоюжнодравидийской общности; кроме того, для сандала есть и археологические свидетельства его присутствия на юге Индии в XV–XIV вв. до н.э. [Zumbroich 2008: 114].

На севере Индии культура бетеля появилась как минимум на тысячу лет позже, чем на дравидском Юге. Во всем корпусе текстов ведийской традиции *шрути*, развитие которой прекратилось около III в. до н.э., ни одного упоминания о жевательной смеси нет. Нет их, как ни странно, и в тексте огромной по объему санскритской эпопеи «Махабхарата», традиция которой развивалась и оставалась открытой для влияний до эпохи империи Гуптов (IV–VI вв. н.э.)³. Умалчивает о бетеле и другая великая санскритская эпопея — «Рамаяна». В отношении обеих эпопей приходится говорить не о незнании, а именно об умолчании, поскольку у нас есть данные, свидетельствующие о довольно раннем знакомстве с бетелевой жвачкой на Севере (возможно, впрочем, лишь определенной части общества).

Первые упоминания о бетеле появляются в научно-дидактических (шастрических) текстах. При этом уже в древнейшем дошедшем до нас медицинском трактате «Чарака-самхита» (I в. н.э.) засвидетельствовано важнейшее нововведение, которое вошло в практику жевания бетеля, по-видимому, именно на индийской почве: к бетелевому листу и орехам арековой пальмы здесь добавляются ароматизаторы: мускатный орех, *kaṭuka*⁴, *kakkola*⁵, кардамон, гвоздика и эскудат камфоры (*Sūtrasthāna* 5.76–77)⁶. Заметим, что географически это свидетельство привязано, по-видимому, к Кашмиру — одной из са-

³ Любопытно, что в индийском фольклоре Нового времени отмечено представление о том, что во время основных событий «Махабхараты» бетель был еще неизвестен. В ходе важнейшего для них праздника Наг-панчами («Змеиный пятый день [месяца шраван]») (см. о нем: [Котин, Успенская 2005: 43–44]) *баран* — представители касты производителей бетелевого листа — рассказывали предание о том, что во время битвы Пандавов с Кауравами бетель еще не был известен, но на праздновании победы Пандавам очень захотелось его вкусить. Отправленные на поиски чудесного растения посланники Пандавов достигли подземного дворца царицы змей Басуки, которая отдала им, отрезав, кончик своего мизинца. Вернувшись на землю, люди Пандавов посеяли его, и выросла бетелевая лоза [Penzer 1927: 274].

⁴ *Abelmoschus moscatus* Medicus, *musk seed* ‘мускуное семя’ ([Zumbroich 2008: 118], со ссылкой на: [Abdul Kareem 1997]).

⁵ Вид перца — *Piper cubeba* L. f.

⁶ Странным образом в этом перечислении отсутствует почти обязательный ингредиент жевательной смеси — гашеная известь (санскр. *cūrṇa*), добавление которой вызывало активизацию алкалоидов, содержавшихся в орехах арека. Может быть, известь не упомянута как само собой разумеющийся компонент.

мых северных областей Индии, где, как полагают, и была создана в своей основе «Чарака-самхита» [Zumbroich 2008: 118–119]. Таким образом, по меньшей мере с I в. н.э. (возможно, и раньше) в Северной Индии получает распространение традиция употребления бетеля с добавлением различных ароматизаторов (как правило, содержится пять ингредиентов: санскр. *pañcasugandhika* ‘пятерка ароматов’), причем составляющие варьируются, включая иногда богатый танином темный экстракт (англ. *catechu*, санскр. *khadirasāra*) из плодов *Asacia catechu* (санскр. *khadira*, там. *kācukaṭṭi*) или самой арековой пальмы, иногда алоэ или амбру [Penzer 1927: 246]. Очевидно, что в столь раннее время комбинирование различных добавочных компонентов в бетелевой смеси уже стало превращаться в своего рода искусство, в котором могли соперничать друг с другом разные регионы страны, а также мастера-профессионалы и частные лица.

Наряду с описаниями состава жевательной смеси с ароматизирующими добавками в более поздних научных текстах, таких как «Сушрута-самхита» (III–IV вв. н.э.) или «Брихатсамхита» Варахамиры (VI в. н.э.), появляются перечни полезных с точки зрения традиционной медицины и гигиены свойств бетелевой жвачки (см., например: [Shastri 1969: 247]). Количество таких свойств могло достигать тринадцати (см.: [Gode 1951; Соболева 2004: 190]).

Самую богатую информацию об использовании бетеля содержит знаменитый эротологический трактат Ватсьяны «Камасутра», неопределенно датируемый периодом между I и VII веками н.э., но с наибольшей вероятностью относимый к периоду Гуптов (IV–VI вв.; см.: [Ватсьяна 1993: 11–12]). Бетель и сопутствующая ему плевательница всегда находятся в комнате знатного молодого горожанина, который, завершая свой утренний туалет, «закладывает в рот ароматный бетель» (I. 4.16) [Там же: 47]. Его жена подносит бетель пришедшим в гости друзьям (IV. 32.36). Особую значимость бетель имеет в ритуалах ухаживания и сексуального сближения партнеров — он выступает как важный элемент в этикете любовной игры. Например, чтобы дать знать о своем желании приглянувшейся замужней женщине, мужчина обращается к ней, держа на коленях

или на руках ребенка, которого он целует, обнимает, ласкает и «языком дает ему бетель» (V. 44.7) [Там же: 100]. Сближение партнеров сопровождается обменом цветами, благовониями, украшениями и взаимным подношением бетеля: «Пусть в уединенном месте постепенно совершаются приближение, объятия, поцелуи, принятие бетеля, обмен вещами при дарении и прикосновение к сокровенным местам» (V. 45.21, 24) [Там же: 101]. Женщина также использует угощение бетелем как знак своего расположения: гетера, принимая гостя, угощает его бетелем, когда же она с целью разжечь страсть возлюбленного под каким-либо предлогом воздерживается от визитов к нему, она все же посылает к нему служанку с цветами и бетелем (VI. 51.29; 52.8) [Ватсыяна 1993: 117].

В текстах классической санскритской литературы, прежде всего в сказочных сборниках или «обрамленных повестях», функции дарения бетеля или угощения им те же, что и в научных текстах. Во-первых, бетель жуют в целях гигиены (для освежения дыхания и обеспечения приятного запаха изо рта), а также просто для своего удовольствия. Завязка одной из историй в «Океане сказаний»⁷ Сомадевы выглядит следующим образом: герой-царевич жует бетель, гуляя по крыше дворца; он сплевывает вниз и попадает на голову брахмана, главного министра, тот в отместку идет к царю с ложным доносом о намерениях сына известить отца, и царь изгоняет сына из города (*Kathāsaritsāgara* XII. 70) [Сомадева 1982: 257, 258]. В популярной «обрамленной повести» «Хитопадеша» распутница заявляет брошенному любовнику: «С тобой, дружок, я иногда забавлялась из прихоти, как забавляюсь цветами или бетелем» (*Hitopadeśa* III.5; пер. П. А. Гринцера [Повествовательная проза 1982: 106]). Во второй функции бетель, вручаемый гостем хозяину или хозяином гостю, — это знак уважения и неотъемлемый элемент обряда гостеприимства. Так, в самом начале сказочного сборника «Двадцать пять рассказов Веталы» («Веталапанчавимшати») явившемуся во

⁷ «Океан сказаний» («Катхасаритсагара») — произведение жившего в XI в. кашмирского поэта Сомадевы, являющееся поэтической переработкой более раннего собрания сказочных историй — «Великого сказа» («Брихаткатха») Гунадхьи (III–IV вв. н.э.).

дворец отшельнику-йогину царь предлагает бетель [Там же: 196⁸]. Но и гость, особенно нанося визит лицу высокого ранга, мог принести в дар бетель. Наконец, в «обрамленных повестях» отражена и роль бетеля как неперемного атрибута любовных игр и свиданий. В первом рассказе о Ветале из того же сборника первое свидание царевича и его возлюбленной описано следующим образом: «Омылись, вкусили пищи, одарили друг друга одеждами и другими украшениями, умастились сандалом и другими мастями, *пожевали бетеля и на ложе наслаждений взошли*» (перевод Р.О. Шор; курсив мой. — Я. В.) [Там же: 200].

Другой ряд свидетельств предоставляют тексты раннего буддизма. По древности создания с северной «Чарака-самхитой» может соперничать буддийская сутра, о работе над которой в 2008 году на сетевом форуме *Indology* в связи с обсуждением проблемы бетеля сообщил исследователь текстов индийского буддизма в китайских и тибетских переводах Стивен Ходж (Steven Hodge). Происходит она из северной части Южной Индии (царство Андхра; ср. современный штат Андхра Прадеш) и датируется концом I в. н.э. В числе веществ, употребление которых монахами считается предосудительным, здесь упомянуты «листья бетеля, травяное масло, толченая известь, кардамон и орехи арековой пальмы». То есть речь идет не только о жевании бетелевых листьев с орехами арека и известью, но также о некоторых вкусовых и ароматизирующих добавках. В другом месте говорится просто о «бетелевых смесях» (см. архив форума *Indology*, письмо С. Ходжа от 24 ноября 2008 г.).

Упоминания о бетеле встречаются и в палийских джатаках — рассказах о прежних рождениях Будды. Здесь тоже можно отметить прочную ассоциацию угощения бетелем с этикетом ухаживания или техникой соблазнения. Например, в джатаке № 62 плут, взявшийся по приказу царя соблазнить славящуюся своей добродетелью молодую жену старого жреца, посылает ей бетель, благовония и цветы, после чего, проникнув в ее дом, без труда соблазняет ее и некоторое

⁸ В цитируемом издании помещены избранные рассказы из «Веталапанчавимшати» в редакции Шивадасы (дата создания неизвестна), воспроизведенные по изданию: [Двадцать пять рассказов Веталы 1939].

время живет у нее, прячась в то время, когда возвращается домой старик-муж [Джатаки 1979: 146–147⁹].

Составленная на Шри Ланке на рубеже IV и V вв. н.э. историческая хроника «Дипавамса» («Хроника острова») дважды упоминает бетель при описании событий, имевших место в период правления великого императора-буддиста Ашоки¹⁰. В одном случае говорится, что по случаю предстоящей коронации Ашоки (которая состоялась около 270 г. до н.э.) боги поставляли необходимые припасы, в том числе благоуханные и сочные листья бетеля (точнее бетелевую лозу: *nāgalatā*) и орехи арековой пальмы (*Dīpavaṃsa VI. 4, 10*). Другая ланкийская историческая хроника, «Махавамса» (V–VI вв. н.э.), сообщает, что спустя четыре года после коронации Ашока, обратившись в буддизм, пожертвовал монашеской общине большое количество бетелевых листьев (*Mahāvamsa V.75*). **Трудно сказать**, отражают ли в данном случае ланкийские хроники реальность давней эпохи [Zumbroich 2008: 117] или проецируют на нее обычаи своего времени. Хотя, как сказано ниже, существование культуры бетеля в весьма развитых формах в городах Северной Индии III в. до н.э. представляется весьма вероятным.

Переходя к описанию событий на самом острове Шри Ланка, «Махавамса» дает еще одно интересное историческое свидетельство, сообщая, что во время строительства Великой ступы в Анурадхапуре (середина II в. до н.э.) царь Дуттхагамани поощрял рабочих, помимо денег, прочими благами, в числе которых называется *mukhavāsakapañcaka* — ‘пятерка ароматов для рта’ (*Mahāvamsa XXX.18–19*). Согласно комментарию VIII или IX в., имеется в виду бетель с дополнительными эквивалентами, такими как камфора. Т. Зумбройх отмечает, что если это событие отдаленного прошлого воспроизводится в хронике аутентично, то перед нами — наиболее раннее свидетельство употребления бетелевой жвачки с ароматически-вкусовыми добавками [Zumbroich 2008:

⁹ Здесь, впрочем, в перевод вкралась явная ошибка: сказано, что плут посылает женщине «листья арековой пальмы», тогда как листья брались от бетелевой лозы, а от арековой пальмы — орехи.

¹⁰ История Ашоки вплетается в повествование «Дипавамсы», поскольку именно он послал на Шри Ланку первых буддийских миссионеров.

118]. Аутентичность, однако, под вопросом, а хронологически ланкийская «Великая хроника» создана едва ли не на полтысячелетия позже «Чарака-самхиты».

В «Махавамсе» также есть сюжет, в котором бетелевая жвачка играет немаловажную роль. Рассказывается о некоем Васабхе, который состоял в услужении у своего дяди — военачальника в северной провинции страны. Однажды царю сообщили пророчество о том, что человеку по имени Васабха суждено стать царем. Царь повелел, чтобы все люди на острове, носящие имя Васабха, были казнены. Военачальник, узнав об этом, решил отдать племянника в руки царя, но прежде, чем отправиться с ним в царский дворец, обсудил это дело со своей женой. Та втайне симпатизировала Васабхе, и когда наутро военачальник собрался в путь, она дала ему с собой бетель, но не положила в набор толченой извести. Прибыв с Васабхой к воротам царского дворца, военачальник достал бетель (предназначавшийся, по-видимому, в дар царю)¹¹ и увидел, что извести нет. Пришлось ему послать племянника за известью домой. Там его уже ждала жена дяди, которая снабдила Васабху деньгами и поспособствовала его побегу. Со временем пророчество, естественно, сбылось: Васабха становится царем, казнит вероломного дядю и женится на его вдове (Mahāvamsa XXXV. 7.62–65) [Mahāvamsa 1912: 250–251]. Из этой истории можно извлечь следующую информацию. Во-первых, бетель был дорогим и ценным даром, достойным того, чтобы быть поднесенным во время аудиенции царю¹². Во-вторых, употребление бетеля без извести считалось совершенно немыслимым, и это говорит в пользу ранее высказанного нами предположения, что в том фрагменте из «Чарака-самхиты» (Sūtrasthāna 5. 76–77), где содержится наиболее раннее упоминание о различных

¹¹ Обычай подносить бетель вышестоящим лицам и начальникам при нанесении им визита сохранился до Нового времени [Соболева 2004: 192].

¹² О бетеле как предмете роскоши говорят и другие древние и средневековые литературные источники (см., например: [Penzer 1927: 237]). Аксессуары для жевания бетеля на всех уровнях, от племенного до изысканного придворного, традиционно принадлежали к числу наиболее ценных — как в символическом, так и в материальном значении — объектов.

ароматических добавках к бетелю, известь не названа просто как само собой разумеющийся компонент (см. примеч. 6).

Завершим обзор круга древних источников, дающих информацию о бетеле, памятниками классической тамильской литературы. Первое упоминание о бетеле встречается в самом раннем образце тамильской кавьи (литературного эпоса), поэме «Шилаппадикарам» («Повесть о браслете»), которую датируют IV–V вв. н.э., причем бетель здесь фигурирует в уже знакомом нам контексте: выступает как атрибут сексуальных (в данном случае брачных) отношений. В 16-й главе поэмы описываются последние часы совместной жизни супругов — полубожественной героини Каннахи и молодого торговца Ковалана, перед тем как Ковалан выйдет из дома навстречу гибели, не зная об этом. Утром в хижине пастушки, где супруги остановились по прибытии в столицу страны Мадур, Каннахи в последний раз подает Ковалану завтрак. «После того как Ковалан поел, Каннахи дала своему обожаемому супругу лучшие листья бетеля и орехи» (Cilappadikaram XVI. 55; пер. Ю.Я. Глазова). За этим следуют ласки супругов, нежная беседа и многократные объятия [Повесть о браслете 1966: 113–115]. Бетель также упоминается в несколько более позднем памятнике — поэме «Манимехалей» (XXVIII. 243); здесь бетель подают с добавлением смеси некоторых ароматических компонентов, включающей камфору.

Заключение. Отсутствие упоминаний о бетеле в текстах ведийской литературы *шрути* и санскритском эпосе, в дошедшем до нас виде являющем несомненные следы брахманской (жреческой) «редактуры», наводит на мысль о том, что традиция употребления и искусство составления бетелевой жвачки развивались в какой-то иной социальной и культурной среде, которая носителями ведийско-брахманистской традиции долгое время осознавалась как чуждая.

Чтобы определить эту среду, очертим круг древних источников, в которых главным образом встречаются упоминания о бетеле. Это, как мы видели, ранние тексты традиционной индийской науки («Чарака-самхита», «Сушрута-самхита», «Брихат-самхита», «Камасутра»), ранние буддийские тексты (джатаки, сутры, исторические хроники) и памятники классической литературы в жанре

кавья (сюда относятся и образцы санскритской «обрамленной повести» — «Брихаткатха», «Хитопадеша», «Веталапанчавимшати», «Катхасаритсагара», и тамильские классические поэмы — «Шилаппадикарам», «Манимехалей»).

Можно ли сказать, что все эти памятники порождены какой-либо одной конкретной социально-культурной средой? Безусловно, можно, и эта среда может быть точно определена. Ведийско-брахманистская традиция изначально господствовала лишь в северной части долины Ганга, где жрецы поддерживали в основном институт наследственных монархий. К середине I тыс. до н.э. в разных областях северной Индии на торговых путях возникают первые города, в большинстве которых власть принадлежала либо кшатрийским олигархиям, сложившимся на базе воинских союзов, либо торгово-ремесленным гильдиям. Ведийско-брахманистская традиция, распространяясь со временем на новые территории, вынуждена была уживаться с уже сложившейся, развитой и оказавшейся весьма устойчивой культурой городской элиты, состоявшей в основном из воинской знати и богатых торговцев. Именно в этой культурной среде возникли сначала не-брахманские, «шраманские» религиозные учения — буддизм и джайнизм, а позднее, уже усилиями местных «городских» брахманов, начала развиваться традиционная наука, формально провозглашенная ветвью ведийской традиции. В той же среде городской элиты зародилась, придя на смену эпосу и народной лирике, литературная, «искусственная» поэзия (кавья), в своем происхождении, кстати, связанная с традиционной наукой [Алиханова 1995; 2008: 58–59]. Именно в этой среде, в обществе придворной знати, воинов и богатых торговцев, разворачивается действие большинства историй, рассказываемых в джатаках, «обрамленных повестях» и тамильских поэмах, таких как «Шилаппадикарам». Во всех этих текстах так много говорится о роли угощения бетелем в быту и искусстве приготовления бетелевых смесей именно потому, что это искусство изначально расцвело в той самой рафинированной городской культуре, наилучшее представление о которой дают описания «Камасутры». В этой связи

можно отметить, что первое в индийской эпиграфике упоминание о бетеле содержится в надписи *гильдии ткачей* из города Мандасора (в современном штате Мадхья Прадеш), которая датирована 473 г. н.э. [Rooney 1995]. Городская культура достигла высокого уровня уже к эпохе империи Маурьев, то есть к IV–III вв. до н.э., и превращение потребления бетеля в искусство на севере Индии можно гипотетически датировать тем же временем.

Главной социальной функцией бетеля у индийцев, как и у многих других использовавших бетель народов, было укрепление связей между людьми путем совместного употребления этого легкого наркотика или взаимного угощения им. Индийцы эту функцию бетеля вполне сознавали, о чем свидетельствует популярная санскритская *субхаши́та* (афористический стих): «У бетеля, о друг, есть сотни и тысячи достоинств, но один большой недостаток: то, что, угостив [гостей бетелем, положено], отпускать [их домой]» [Gode 1951: 138]. Смысл, по существу, заключается в том, что общение с друзьями за бетелем лучше бы никогда не кончалось.

Не отличаются индийцы от других употребляющих бетель этносов и тем, что бетелю у них отводилась важная роль в ритуалах ухаживания, сватовства и брака (о Юго-Восточной Азии см.: [Rooney 1995; Соболева 2004; Ревуненкова 2008; Stanyukovich 2014]). Можно было бы видеть в этом вариант той же главной социальной функции, если рассматривать сближение между мужчиной и женщиной как частный случай упрочения связей между людьми. Но ассоциация бетеля со сферой эротики, сформировавшаяся, по-видимому, у населения Юго-Восточной Азии задолго до того, как культура бетеля была занесена в Индию, слишком акцентирована в большинстве этнических традиций и, вероятно, основана на определенных свойствах бетелевой жвачки. В ряде культур бетель принято считать афродизиак [Станюкович 2010а; 2010б; 2011: 519]. Так или иначе содержащиеся в бетелевой смеси алкалоиды вызывают чувство эйфории [Соболева 2004: 190] и, по-видимому, способны усиливать ощущение эротического экстаза. У древних индийцев связь между употреблением бетеля и степенью любовного наслаждения не вы-

зывала сомнений. Варахамира в трактате «Брихат-самхита», приводя перечень пользы, приносимых жеванием бетеля, указывает, что бетель делает красоту человека явной, запах изо рта — приятным, самого человека — удачливым, придает телу силу, исцеляет болезни, порожденные преобладанием флегмы, приносит пользу во многом другом, но на первом месте стоит то, что «бетель воспламеняет страсть» (*kātam pradīpayati... tāmbūlam* — *Bṛhatsaṃhitā* 77.35; ср.: [Gode 1951: 142]).

Библиография

Алиханова 1995 — *Алиханова Ю. М.* Эпическая поэма на санскрите и стиль кавья // Теория стиля литератур Востока: сб. ст. М.: Наука, 1995. С. 105–113.

Алиханова 2008 — *Алиханова Ю. М.* Литература и театр древней Индии: Исследования и переводы. М.: Восточная литература, 2008.

Барроу 1976 — *Барроу Т.* Санскрит / Пер. с англ. Н. Лариной; ред. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. М.: Прогресс, 1976.

Ватсьяна 1993 — *Ватсьяна Малланага.* Камасутра / Пер. с санскр., вступ. ст. и коммент. А. Я. Сыркина. М.: Восточная литература, 1993.

Гуров 1990 — *Гуров Н. В.* Дравидийские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 139–140.

Двадцать пять рассказов Веталы 1939 — Двадцать пять рассказов Веталы / Пер. с санскр. Р. О. Шор. Л.: ГИХЛ, 1939.

Джатаки 1979 — *Джатаки.* Из первой книги джатак / Пер. с пали Б. Захарьина. М.: Художественная литература, 1979.

Котин, Успенская 2005 — *Котин И. Ю., Успенская Е. Н.* Календарные обычаи и обряды хиндустанцев // Индийские праздники: Общее и локальное в календарной обрядности / Науч. ред. И. Ю. Котин, С. А. Маретина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. С. 10–75.

Повествовательная проза 1982 — Индийская средневековая повествовательная проза / Пер. с санскр., сост. и предисл. П. А. Гринцера. М.: Художественная литература, 1982.

Повесть о браслете 1966 — Повесть о браслете. Шилаппадикарам / Пер. с тамил. Ю. Я. Глазова. М.: ГРВЛ, 1966.

Ревуненкова 1988 — *Ревуненкова Е. В.* Ребенок в представлениях батаков Северной Суматры // Этнография детства: Традиционные формы вос-

питания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии / Отв. ред. И. С. Кон, А. М. Решетов. М.: Наука, 1988. С. 39–61.

Ревуненкова 2008 — *Ревуненкова Е. В.* Ритуально-символическая роль бетеля в малайско-индонезийском регионе в прошлом и настоящем // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 459–463.

Соболева 2004 — *Соболева Е. С.* Бетель в Южной и Юго-Восточной Азии // Феномен удовольствия в культуре: материалы Междунар. форума (6–9 апреля 2004 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 188–192.

Сомадева 1982 — *Сомадева.* Океан сказаний. Избранные повести и рассказы / Пер. с санскр., послесл., примеч. и глоссарий И. Д. Серебрякова. М.: ГРВЛ, 1982.

Станюкович 2005а — *Станюкович М. В.* Символическое значение тканей и компонентов бетельной жвачки у ифугао, Филиппины // VI Конгресс этнографов и антропологов России: тез. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 163.

Станюкович 2005б — *Станюкович М. В.* «Сын бетельного ореха и листа бетеля»: мотив непорочного зачатия в эпосе и мифологии севера Филиппин // VI Конгресс этнографов и антропологов России: тез. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 201.

Станюкович 2010а — *Станюкович М. В.* Бетель и другие легкие жевательные стимуляторы растительного происхождения. Основные направления исследования (программа) // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 323–328

Станюкович 2010б — *Станюкович М. В.* «Сын бетельного ореха и листа бетеля»: символика *Areca Catechu* и *Piper Betle* в фольклоре и традиционной культуре ифугао и других народов Филиппин // Этноботаника. *Acta Linguistica Petropolitana* / ред. В. Б. Колосова. Т. VI, ч. 1. СПб.: Наука. С. 306–340.

Станюкович 2011 — *Станюкович М. В.* Роль *Areca Catechu L.* в распространении обычая искусственной деформации зубов и формировании идеала красоты в Юго-Восточной Азии // IX Конгресс этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.): тез. докл. Петрозаводск, 2011. С. 519.

Станюкович 2013 — *Станюкович М. В.* Лечебные заговоры и практики с использованием бетеля у народов о. Себу, Негрос и Лусон (Филиппины)

ны) // X Конгресс этнографов и антропологов России. Современный город и социально-культурная модернизация России (Москва, 2–5 июля 2013 г.): тез. докл. М.: ИАЭ РАН, 2013. С. 257.

Abdul Kareem 1997 — *Abdul Kareem*. Plants in Ayurveda (A compendium of botanical and Sanskrit names). Bangalore: Foundation for Revitalization of Local Health Traditions, 1997.

Burrow 1947 — *Burrow T.* Dravidian Studies VII: Further Dravidian words in Sanskrit // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1947. Vol. 12. № 2. P. 365–396.

Gode 1951 — *Gode P. K.* Studies in the History of Tāmbūla — History of the verse about the thirteen qualities of Tāmbūla — between A.D. 1200 and 1900 // *Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute*. 1950. Vol. XXXI. Poona, 1951. P. 138–142.

Mahāvamsa 1912 — *The Mahāvamsa, or the Great Chronicle of Ceylon* / Transl. into English by W. Geiger. L.: Oxford University Press, 1912.

Mayrhofer 1986–2001 — *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. I–III. Heidelberg: C. Winter, 1986–2001.

Penzer 1927 — *Penzer N. M.* The Romance of Betel-chewing // *Penzer N. M. The Ocean of Story, being C. H. Tawney's translation of Somadeva's Kathāsaritsāgara*. L.: C.J. Sawyer, 1927. Vol. VIII. P. 237–319 (Appendix II).

Przyluski 1924 — *Przyluski J.* Emprunts anaryens en Indo-aryen // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 1924. T. XXIV. P. 255–258.

Rooney 1995 — *Rooney D. F.* Betel Chewing in South-East Asia [E-source] // Dawn F. Rooney Cultural Archive: Southeast Asia: [Website]. [1995] URL: http://rooneyarchive.net/lectures/lec_betel_chewing_in_south_east_asia.htm

Stanyukovich 2012 — *Stanyukovich M. V.* Ifugao ethnographic art and its symbolism in hudhud oral epics (with references to collections of St. Petersburg, Russia and Goteburg, Sweden) // *Kopania Izabela (ed.) Southeast Asia: Studies in Art, Cultural Heritage and Artistic Relations with Europe*. Warsaw; Torun: Polish Institute of Art Studies; Tako Publishing House, 2012. P. 77–84.

Stanyukovich 2014 — *Stanyukovich M. V.* Betel, 'Lonely Heroes' and Magic Birth in the Philippines and Beyond: Comparative Mythology, Field Work and Folklore Corpora // *Klaus Antoni, Weiss David (eds.) Sources of Mythology: Ancient and Contemporary Myths. Proceedings of the Seventh Annual International Conference on Comparative Mythology (15–17 May 2013, Tuebingen)*. LIT, ISBN 978-3-643-90475-1. Zurich; Berlin, 2014. P. 179–206.

Shastri 1969 — *Shastri A. M.* India as seen in the Bṛhatsamhitā of Varāhamihira. Delhi: Motilal Banarsidass, 1969.

Turner 1962–1966 — *Turner R. L.* A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. Fasc. I–X. L.: Oxford University Press, 1962–1966.

Zumbroich 2008 — *Zumbroich T. J.* The origin and diffusion of betel chewing: a synthesis of evidence from South Asia, Southeast Asia and beyond // Journal of Indian Medicine. 2007–2008. Vol. I. P. 87–140. URL: <http://journals.indianmedicine.eldoc.ubrug.nl/root/ejim/voll/03/63-116>.